

— Григорий Яковлевич, ваша первая пятилетка в «Знамени» ознаменовалась воистину судьбоносным — употребляя модное ныне слово, впрочем, оно точно передает суть дела, — событием: приятизация Союза писателей СССР на учредительство, отклонены и журнал получил юридическое подтверждение, что отныне он, как тот «Нораблик», который «сам свой лодман, сам свой боцман, матрос, капитан». День независимости, объявленный знаменцами в честь этого, имеет особое звучание, потому что в судьбе самых разных ведомственных изданий сегодня — череда черных дней. Для «Известий» учредительская привязка оборачивается удавкой. Но если глава и большинство парламента игнорируют Закон о печати, им же недавно принятый, пренебрегают правами творческого коллентива — и ничтоже сумняшеся действуют старым способом привычного партийно-административного давления, то получается, что правы те, кто считает: несмотря на итоги российских выборов, перспективы у перестройки отнюдь не радужные, она как бы если уже не закончилась, то неизвестно, когда обретет второе дыхание и обретет ли его вообще.

— Перестройка не закончилась. Я думаю, что она вступила в наиважнейший свой период: в эти месяцы будут решены главные вещи или не решены, как произошло с программой «500 дней». Я не экономист и не могу оценить, насколько она была конструктивна, имелись в ней ошибки или нет. Но знаю, ошибки, если смотреть исторически, простятся, а вот бездействия, нерешительности народ не простит никогда. Большие надежды я связываю с новыми замыслами Явлинского, с его «Согласием на шанс». Но тут должна набраться смелости власть политическая. Этой смелости не хватило президенту в конце года минувшего и в начале нынешнего, а сейчас... Сейчас вспомним хотя бы, как сказано в «Нагорной проповеди»: «Но да будет слово ваше: «да, да», «нет, нет», а что «сверх этого, то от лукавого» (Мф., 5, 37). Да и события произошли отрезвляющие. И танки зимой в Литве (а, кстати, комитет национального спасения ведь так и не назван поименно, не преданы суду люди, которые пытались свергнуть конституционно избранную власть), и войска, введенные в Москву, когда открылся российский съезд, — это не просто угроза, это была репетиция военного переворота: что можно сделать и возможно ли сделать? Все было скоординировано, продумано. Вспомните письмо 33-х Съезду народных депутатов СССР: требовали чрезвычайных мер. А после этого — события в Литве, кампания против инкомислия на ЦТ, гонения на средства массовой информации и т. д. и т. п. То есть реакция перешла в резкое, открытое наступление. Хорошо, что в открытое, что поднялись из окопов: стало видно, кто есть кто.

Вот по телевидению все время подсчитывали убытки, нанесенные забастовками шахтеров. А эти забастовки вместе с митингами, которые проводила по всей стране демократическая общественность, остановили наступление реакции, показали, что будет, если устроят военный переворот, о котором и ныне мечтают многие. В шахты винтовкой не загонишь, думать под винтовкой тоже не заставишь. Явлинский точно сказал: власть сегодня горячая, ее, может быть, легко взять, но трудно удержать в руках. Попытались, вроде бы схватили, да горячо оказалось. Это не значит, что не будут пытаться снова.

Недавние события в Верховном Совете СССР, когда премьер требовал особых полномочий, а все трое — Крючков, Пуго, Язов — поддержали его — это ведь опять была попытка переворота. Да результат вышел обратный. Так что ставить крест на перестройке преждевременно. По моему разумению, она теперь только аступает в самую решительную фазу. Кстати, у нас так всегда и бывало: дойдем до точки — лишь тогда набираемся ума и силы. Собственно, так и в войну получилось: ведь наступать начали только из-под Москвы — дальше уж пятиться стало невозможно.

— Но сейчас Горбачеву тоже пятиться уже некуда: мизерность посягательства на Ельцина, — разве не серьезнейшее ему предупреждение? Маневрирование Горбачева — что это, по-вашему, его собственное нежелание отойти от «социалистического выбора» или все-таки защитная реакция на атаки жаждущих реванша «патриотов», и что означает, на ваш взгляд, его гневное обращение в парламенте к «союзникам», а к премьеру — нет? Один из независимых политологов расценил это выступление президента в парламенте как очередной, хорошо поставленный спектакль кремлевского театра. У вас есть версия столь «гибкого» поведения Горбачева: то туда, то сюда?

— Я не политик, за кулисы политического театра не вхожу, о чем не жалею, но это интересно было бы знать и напечатать в журнале: как и кем пеллись

Фото Александра КАЗАНОВА

интриги, кто стоит за подставными лицами, психология действующих лиц. Все это будет написано. В тяжелое, страшное время живем, вот посмотрите, что в Югославии происходит, ведь и нас толкают на этот путь наши экстремисты, наши бешеные. Но какое интересное время!

Не думаю, что Горбачев был постановщиком всего происходившего в кремлевском театре, похоже, что это пытались у него перехватить власть. И именно поэтому я хочу сказать: когда люди, именующие себя интеллигентами, доказывают свою смелость тем, что по всякому поводу пытаются пнуть президента, мне противно. Это дозволенная смелость, это холуйство. Но одновременно не могу понять, почему все эти годы президент так терпимо относился к ярым реакционерам, которые, осмелев, уже и не скрывали и не скрывают, что готовы и перестройку растоптать, и его самого? Да разве можно их ублажать, ублажить? Ах, как полезно читать классику! Ту же «Сказку о рыбаке и рыбке». Начинаясь с малого, дальше нового корыта мечта и не простиралась. А стали ублажать, тут и захотелось быть «владычицей морскойю». Сказка на все времена.

И никому сегодня из нормальных людей не интересно, не нужны эти разговоры о «социалистическом выборе», о «капиталистическом выборе». Надо выйти из нищеты. Нищета материальная и нищета духовная неотделимы друг от друга. Это лишь те, кто сытно ест и сладко пьет, ведают нам: была бы душа... Душа пока еще жива, ну, а как быть с тем, что в стране за чертой бедности чуть ли не половина населения? В Архангельской области (недавно это телевидение передавало) люди по трое суток не могут выпить хлеба — четыреста граммов по карточкам. Это же в войну столько полагалось иждивенцам.

— Выступая по Российскому телевидению накануне выборов президента, вы назвали Ельцина наиболее вероятным победителем в борьбе претендентов: он, гонимый, получит прежде всего поддержку народа. Так и получилось, хотя причина, конечно же, не только в «опальности». Что значит для России приход Ельцина на президентский пост? По сей день не утихают дебаты. Вот, например, уважаемый, известный интеллигент Л. Баткин в своих рассуждениях тоже высказывает довольно тревожные мысли. А ваше мнение?

— Мое мнение такое, что время покажет. Сегодня у России не было кандидата достойней Ельцина. И нет команды сильней той, которую возглавляет Ельцин. Я абсолютно был уверен, что на выборах победит он, победит в первом туре. Но уж слишком неприличную, просто-таки постыдную кампанию вели против него, ничем не гнушались. А тут еще и В. Распутин выступил, разумеется, в «Советской России», которая особенно отличалась, — какую только она грязь на Ельцина не лила, — вот там он и выступил как доверенное лицо Рыжова. И называлось это: «Совесть

против зависти». Вот уж совесть-то тут тревожить было ни к чему, к совести это не имеет никакого отношения. Восхваляя своего кандидата, он писал: «Политика должна стать делом и делом порядочных людей. Вспоминается в этой связи статья в одной из газет под названием «Николаю Рыжкову может помешать только его порядочность». И ведь верно: в нынешней политической атмосфере порядочность — это не козырь...». И это о человеке, который подал пример, как государственное имущество скупать за бесценно, первым дачу взял за гроши. И пошло лихоимство. Следом и Бирюкова, его заместитель по социальному развитию, осуществила на деле социальную справедливость: за 18 тысяч взяла в собственность государственную дачу, которая по балансовой стоимости превысила 75 тысяч, а по рыночной и за двести уйдет.

И вот еще, как прославляется кандидат в президенты: «Я помню хорошо, с той поры прошло совсем немного времени, как на одном из заседаний Президентского совета глава правительства твердо высказался против приватизации жилья». Ну правильно, рядовым гражданам — нельзя, премьеру — можно. Вот так по части совести, по части порядочности. И забыто уже, что Рыжков подписал соглашение с американской фирмой о строительстве в Сибири химических заводов, которые, как сам тогда писал Распутин, не окупятся, погубят природу, отравят воздух. Ныне — застенивое: «...и я в свое время, вероятно, доставлял Николаю Ивановичу неприятные минуты, критикуя его за предлагаемые прамзельством природоразрушающие проекты». А как хорошо, как совестливо начинал этот писатель, как радостно встретили его! И что за страшная деформация произошла в последние годы!

Когда я все это прочитал, когда развззалась новая травля Ельцина, я и подумал: надо выступить. Хотя и понимал, что мой голос — не решающий. Но нельзя было не сказать.

— Вы делаете ставку на успешное осуществление разработок Явлинского (вот и в июльском номере «Знамени» опубликовано его выступление). А какой идет шквальный огонь против этой заявки со стороны поборников чистого советского обновления — чтоб без малейших капиталистических примесей.

— Никто не кидает камнями в бесплодное дерево, никто его не трясёт. Но каждый норовит сбить золотое яблочко. Национал-патриоты наши с первых дней перестройки начали кричать, что социалистическое отечество в опасности. Не за страну у них душа болит и не за народ, а за себя, любимых. Это они присвоили себе право говорить «от имени народа», да еще величать друг друга «совестью народа». Явлинский — светлый ум, слушаешь его, читаешь его — и душа радуется, что есть такие люди в нашем Отечестве. Ими гордиться бы, любая страна примет такого с радостью, а у нас он почти

Григорий
БАКЛАНОВ

Сказка о рыбаке и рыбке

что в роли просителя. Нет, все-таки поразительно талантливы наш народ. Сколько выбито — да ведь не единичными выбивали, а целыми поколениями, — и вновь, и вновь, как живой родник из-под земли, пробивается талант. Вы читаете в «Вечерней Москве» расстрельные списки? Лица людей этих... Все сословия, все возрасты. Это народ уничтожали. В один день, например, 21 августа 30-го года, были одновременно расстреляны три гардеобчикка: двое — из Большого академического театра, один — из Малого. Год рождения: 1862-й, 1866-й, 1878-й. Двое — из деревень, малограмотные, один — из Москвы родом, образование низшее. Вот их за что? Не согласны были с «социалистическим выбором»? Или чаевые не так собирали? Двое-то эти, которые из деревни, наверное, от коллективизации бежали.

Так что же наши «патриоты», «патриоты от литературы»? Писали, что коллективизация погубила деревню, погубила мужика, правильно, на мой взгляд, писали, а сейчас, когда Российский парламент во главе с Ельциным дел наконец право крестьянину не только в колхозе подневольно работать, но и самому взять землю, что же теперь слова в защиту фермера не скажут? Они же вроде бы за возрождение России. Или не знают, как измываются над этими людьми местные власти? Как же так? Знаменитую фразу Столыпина о том, кому нужны великие потрясения, а кому — великая Россия, произносят с трибуны. А ведь сейчас, если на то пошло, сейчас-то и пытается новая российская власть завет Столыпина воплотить, это он, он выделял крестьян на хутора и отруба. И что же голоса «патриотов» не слышно? Впрочем, слышно. В негодующих письмах, которые подписывают против Ельцина. Да еще на съезде, пленумах непонятным образом побратались с теми, кто мечтал вернуть страну к расстрельным временам, с номенклатурой самого дешёвого разлива, кого отрешит от должности, отними от этой кормящей административно-партийной груди, так на хлеб себе не заработают, могут только руководить — хоть баней, хоть искусством.

— Таково же показали в повести «Свой человек». «Свой» для Системы — ее любимое дитя, ее опора. «Юбилера, Евгения Степановича, поздравляли с орденом, хотя официально об этом еще не было объявлено. Орден был желанный, именно тот, которого Евгений Степанович ждал и — что греха таить! — приложил к тому немало усилий, ибо скромность, как сказал известный поэт, — самый верный путь к забвению. Евгений же Степанович, тоже не лишенный дара мыслить образами, определял это по-своему: СЛУЖАЩЕМУ ЧЕЛОВЕКУ НЕ НАПОМНИТЬ О СЕБЕ ВОВРЕМЯ — ВСЕ РАВНО ЧТО ПОТЕРЯТЬ СКОРОСТЬ НА ВОДНЫХ ЛЫЖАХ — СРАЗУ НАЧИНАЕШЬ ПОГРУЖАТЬСЯ И ТОНУТЬ» (выделено мной. — И. Р.). Это сравнение он где-то вычитал, но оно так ему понравилось, так впору пришло, что сразу и совершенно естественно посчитал его своим.

— Да ведь система наша для таких и создана: для безликих, для карьеристов, для тех, кто пороха не выдумает. Им она очень удобна. И роли распределены. А кто умело играет отведенную ему роль, тому и будущее обещено. У Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ» есть сцена: привели его ранним утром на допрос и он видит на полу в кабинете гору документов, бумаг. И подумал: ведь это целая цивилизация погибла здесь. Много должно было погибнуть цивилизаций, чтобы такие безликие люди, как мой персонаж в том числе, могли подняться на самый верх, судьбы людей держали в руках.

— А ведь эта порода, выведенная за годы советской власти, оказалась на редкость жизнестойкой.

— Ещё был Семьдесят лет их подкармливали, поливали, подстригали соответственно, ухаживали. Получился чудный газон.

— Для них и сегодня не позорно, «ничего не знача, быть притчей на устах у всех». Они приспособились, выдают себя за демократов, по-прежнему наверху. Мы уповаем то на Горбачева, то на Ельцина, но пока они «в силе», никакие президенты ничего не изменят, — ну что, снажете, можно сделать с «агрессивно-послушным» парламентским большинством?

— Нет, я с вами не согласен. Уж мы-то в нашей стране под Сталиным испытали, что значит роль личности в истории. А верней сказать — в человеческих судьбах. И сегодня от решительности лидеров многое зависит. Но я хочу сказать о другом: ныне стало ошутимо подспудное движение истории. Корабль тронулся, двинулась страна. И уже не вернешь ее в прошлое. Мы не знаем, через какие испытания суждено нам пройти, но от прошлого, от страшного своего прошлого мы уходим.

— А вы, Григорий Яковлевич, не жалуете, что не стали народным депутатом, взяли самоотвод, когда шло выдвижение кандидатур? Я хорошо помню это писательское собрание. Мне кажется, ваша человеческая позиция, гражданская ответственность, бойцовские качества...

— Нет, не жалею. Каждому — свое. Когда выдвигали в РСФСР, я тоже отказался. Смотрю по телевизору парламентские заседания и убеждаюсь: это не мое дело. Трибуна писателя — его письменный стол. Вот этим делом я и был занят всю мою жизнь после войны. Я и редактором быть не хотел. И только, увидев, в чьи руки может попасть «Знамя», понял: надо решаться. И не жалею, хотя работа оказалась для меня трудной. Вот и повесть «Свой человек», которую раньше в год, максимум в два закончил бы, писал все эти пять лет.

— Но зато вы имеете моральное право гордиться журналом, который в сегодняшнем бурном потоке не только не потерялся, наоборот, его читают, он популярен.

— Судя по письмам, читают. И главные наши читатели — те, кто в дальнейшем и составит так называемый средний класс, основу общества. Во всех экономически развитых странах основа общества — средний класс. Мы попросили провести социологическое обследование, оно дало интересные результаты. Например, 18,8 процента наших читателей — молодежь до двадцати лет, то есть те, в чьи руки скоро перейдет будущее страны. Очень важно не потерять молодежь. И вообще большинство наших читателей — люди самых деятельных возрастов. В деревне у «Знамени» столько же читателей, сколько в Москве и в Ленинграде. А более всего — в областных и районных городах. Нет у нас данных о том, кто из депутатов читает наш журнал, не уверены, что в объединении «Союз» их много. Впрочем, Петрушенко заходил к нам, хотел опубликовать свои соображения, но написать их у него времени не оказалось, и мы лишили автора.

Но сейчас над журналами нависла угроза. Никто не знает, сколько будет

стоять бумага, типографские услуги. Мы не можем унаться за повышением цен, читатели наши — в большинстве своем люди среднеоплачиваемые и малоимущие. Какое же это демократическое общество, если журналы станут элитарными, доступными только для высокооплачиваемых? «Толстый» журнал — старая русская традиция. Книга не заменит свежий номер журнала. В нем взгляд на мир, на события и из дня нынешнего, и из минувшего, взгляд публициста и художника, поэта и критика. Это совершенно уникальное явление — «толстый» журнал. Он был и должен оставаться одним из центров духовной жизни общества. А у «Знамени» и конец нынешнего года, и год следующий складываются как раз очень интересно.

Старает все: новейшие заводы, «сверхсовременное вооружение... Но не подвержен старению духовный мир человека, интеллект. И общество, которое живет не по принципу — после меня хоть потоп, понимает, что выгодно вкладывать средства в культуру, в науку, в образование, это самые выгодные вложения, они окупаются мно.кратно. И уже несравнимо выгодней, чем спускать с конвейеров тысячи танков, чтооы потом переплавлять их на металл. Стыдно без конца повторять, что умные, талантливые люди — это главное богатство народа. Не случайно Столыпин писал, что законы надо издавать не для ленивых и пьяных, а для энергичных и умных.

— В прошлом номере «ЛГ» напечатан Манифест о создании союза независимых писателей. Эта публикация совпала с другим — знаменательное событие! — очень важным известием — о создании нового демократического движения, которое своим возникновением, по сути, должно окончательно дезавуировать «авангардную» роль коммунистической партии. Вот так же, видимо, и новое деидеологизированное писательское сообщество будет содействовать отмиранию старого Союза писателей.

— Еще на прошлом, восьмом съезде я говорил, что наш Союз писателей — министерство и дух в нем министерский. Была надежда, что теперь уdestся многое изменить, что он станет творческим союзом. Что-то удалось сделать, но в целом ничего кардинально не менялось. Писатели по роду своей деятельности разобщены, книги не пишут коллективно. Но вот те, у кого, как у той гармошки, «разговору на три танца, разворот зато большой», объединились, на пленумах доходили до истерии в ненависти к происходящим в стране переменам. Им бы в старые, в застойные, застойные времена, когда на них сыпался золотой дождь. Практически из всех творческих союзов наш Союз писателей оставался самым косным. И продолжался система самообеспечения, ни разу перед писателями не отчитывалось руководство, на что, на кого тратятся средства. И уже видно, как рвется к руководству группа людей, для которых писатель без власти — не писатель. Вся эта атмосфера — удушающая.

Чем меньше пастырей у литературы, тем легче ей дышится. Но самыми страшными, самыми безжалостными душителями литературы всегда были бездарные литераторы. Эта угроза вновь нависла над нашей литературой. Вот потому и пришло время создать союз независимых писателей, не зависящих от политических веяний, давлений, указаний свыше, а более всего не зависящих от чиновников-литераторов. И не надо новых административных структур. Достаточно, что есть Литфонд, созданный на общие средства, он и должен быть общим. А те, кто хочет командовать, властвовать, кому нужны чины и награды, пусть в это играют, пусть славят друг друга, продаются по своей иерархической лестнице, без которой им жизнь не в жизнь. А писатель должен писать, если, конечно, в этом смысл его жизни.

Беседу вел
Ирина РИШИНА